

История — это интересно!

Серия

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ ПАРИЖ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

История – это интересно!

Сергей Нечаев

**Париж Наполеона
Бонапарта. Путеводитель**

«Этерна»

2014

Нечаев С. Ю.

Париж Наполеона Бонапарта. Путеводитель / С. Ю. Нечаев —
«Этерна», 2014 — (История – это интересно!)

Всевозможных путеводителей по Парижу издано очень много, и все они, как правило, предлагают общую информацию по городу в целом, то есть ориентированы на людей, впервые оказавшихся во французской столице. А если вы уже были в Париже несколько раз и, например, традиционные Эйфелева башня с Елисейскими Полями вам уже не так интересны? А если нет желания мотаться по городу с очередной шумной и похожей на послушное стадо экскурсией «для чайников»? А если есть время, и хочется чего-то особенного, не столь хорошо известного? Тогда предлагаемый путеводитель – это то, в чем вы нуждаетесь. Путеводитель «Париж Наполеона Бонапарта» поможет вам погулять по городу самостоятельно и, даже не зная французского языка, узнать много интересного. Добро пожаловать в конец XVIII – начало XIX века, добро пожаловать в Париж Наполеона Бонапарта.

Содержание

Предисловие	6
1-й округ Парижа	8
В Тюильри еще надо удержаться	8
Все самое ценное – в Лувр	13
«Адская машина». Покушение на улице Сен-Никез	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Юрьевич Нечаев

Париж Наполеона

Бонапарта. Путеводитель

© С. Ю. Нечаев, 2014

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Всевозможных путеводителей по Парижу издано очень много, и все они, как правило, предлагают общую информацию по городу в целом, то есть ориентированы на людей, впервые оказавшихся во французской столице. А если вы уже были в Париже несколько раз и, например, традиционные Эйфелева башня с Елисейскими Полями вам уже не так интересны? А если нет желания мотаться по городу с очередной шумной и похожей на послушное пастуху стадо экскурсией «для чайников»? А если есть время и хочется чего-то особенного, не столь хорошо известного?

Тогда предлагаемый путеводитель – это то, в чем вы нуждаетесь. Путеводитель «Париж Наполеона Бонапарта» поможет вам погулять по городу самостоятельно и, даже не зная французского языка, узнать много интересного, в том числе и про хорошо известные объекты типа Лувра или Триумфальной арки на площади Шарля де Голля.

Париж – это великий город, а Наполеон Бонапарт – это великий персонаж истории, причем не только французской. Наполеон впервые приехал в Париж, перейдя из Бриеннской в Парижскую военную школу, в октябре 1779 года, а в последний раз он находился в столице весной 1815 года. Поэтому можно сказать, что с некоторыми (порой весьма длительными) перерывами он жил в Париже более тридцати пяти лет своей потрясающе насыщенной событиями жизни.

Естественно, в современном Париже сохранилось немало мест, так или иначе связанных с жизнью Наполеона, а также его ближайших родственников и сподвижников (например, сохранившиеся здания, памятники, гробницы и т. д.). Немало мест не имеют прямого отношения к Наполеону, но носят имена, связанные с его историей (например, знаменитые «маршальские» бульвары, мосты и т. д.). В целом можно утверждать, что Париж – это своеобразный музей наполеоновской эпохи под открытым небом, для осмотра которого явно не хватит одного-двух дней свободного времени.

Перед автором данного путеводителя стояла проблема: как систематизировать огромный массив информации о Париже Наполеона Бонапарта, как сделать его компактным и более доступным для восприятия. Хронологический подход, то есть описание парижских памятников, зданий и улиц в том порядке, в каком они появлялись в жизни Наполеона, был сразу же отброшен. Париж – огромный город (его общая площадь составляет более ста квадратных километров), и трудно себе представить человека, который будет передвигаться из одного его конца в другой, следуя перемещениям главного героя этого путеводителя. Более логичным автору показался так называемый географический подход, то есть группировка по территориальному принципу. В самом деле, человеку, оказавшемуся в Париже, гораздо удобнее будет знакомиться с «наполеоновскими достопримечательностями» французской столицы, находящимися поблизости от того места, где находится он сам. Париж, как известно, административно делится на 20 муниципальных округов. Эти округа пронумерованы от центра города к периферии по спирали, и в плане это напоминает улитку, закрученную по часовой стрелке. Исторический центр города составляют округа с 1-го по 8-й, а округа с 12-го по 20-й имеют выход на границы города.

Таким образом, информация в настоящем путеводителе сгруппирована по округам. Это удобно еще и потому, что центральные округа относительно невелики по площади, но зато в них велика концентрация «наполеоновских достопримечательностей».

Некоторые объекты находятся на границах округов, и их привязка к тому или иному округу дается лишь условно, но это не имеет принципиального значения. Действительно, человеку, у которого, например, появилось желание посмотреть Триумфальную арку, совершенно не важно то, что авеню Фридланд находится в 8-м округе, а авеню Клебер – в 16-м. Все равно

эти великолепные проспекты, названия которых имеют самое прямое отношение к наполеоновской истории, выходят на площадь Шарля де Голля, на которой стоит Триумфальная арка.

Итак, добро пожаловать в конец XVIII – начало XIX века, добро пожаловать в Париж Наполеона Бонапарта.

1-й округ Парижа

В Тюильри еще надо удержаться

Лувр (Louvre) – это не только всемирно известный музей, который ежегодно посещают более семи миллионов человек, но и место в Париже, неразрывно связанное с именем Наполеона.

Первоначально Лувр был крепостью, построенной в конце XII века по приказу короля Филиппа II Августа для защиты подступов к острову Сите, где тогда находился центр Парижа. Король Карл V сделал Лувр своей резиденцией. В XVI веке при короле Франциске I средневековые башни были снесены, и Лувр начал приобретать вид дворцового комплекса, частью которого стал дворец Тюильри.

Лувр

* * *

Дворец Тюильри (Tuileries) первоначально строился архитектором Филибером Делором. Новый дворец возник к западу от королевского дворца, и задумывался он как резиденция для королевы Екатерины Медичи – матери короля Карла IX. Он сооружался на месте старинных черепичных мастерских, располагавшихся на левом берегу Сены (отсюда и название – от французского слова «tuileries», которое переводится как «черепичные заводы»). Впоследствии дворец неоднократно перестраивался, а в 60-е годы XVII века перед ним под руководством Андре Ленотра, сына главного садовника при короле Людовике XIII, был разбит огромный сад. Но так уж получилось, что в 1674 году король Людовик XIV принял решение сделать своей резиденцией Версаль, находящийся в двадцати с лишним километрах от Парижа. В результате

работы в Лувре были приостановлены, и многие помещения так и остались недостроенными. В середине XVIII века даже шла речь о сносе Лувра...

В 1789 году король Людовик XVI, вынужденный покинуть Версаль, вновь перенес королевскую резиденцию в Тюильри, но восставший народ захватил дворец и низверг монархию. В 1792–1795 годах в Тюильри уже заседали члены революционного Конвента.

Когда Наполеон в 1792 году приехал в Париж, он стал свидетелем бурных революционных событий того лета. Его отношение к свержению монархии было вполне определенным. Видя бессилие Людовика XVI, он воскликнул:

– Как можно было впустить этих каналий! Надо было смести их пушками!

Стоя тогда в толпе и глядя на штурм Тюильри, Наполеон не мог и подумать, что французский трон очищается именно для него. Аналогичным образом и стоявшие вокруг него люди, восторженными криками приветствовавшие рождение республики, не могли и предположить, что этот маленький худой офицерик в поношенном мундире очень скоро задушит эту самую республику и станет самодержавным императором.

А потом был государственный переворот 9–10 ноября 1799 года (18–19 брюмера VIII года), в результате которого Наполеон стал одним из трех консулов и обосновался во дворце Тюильри.

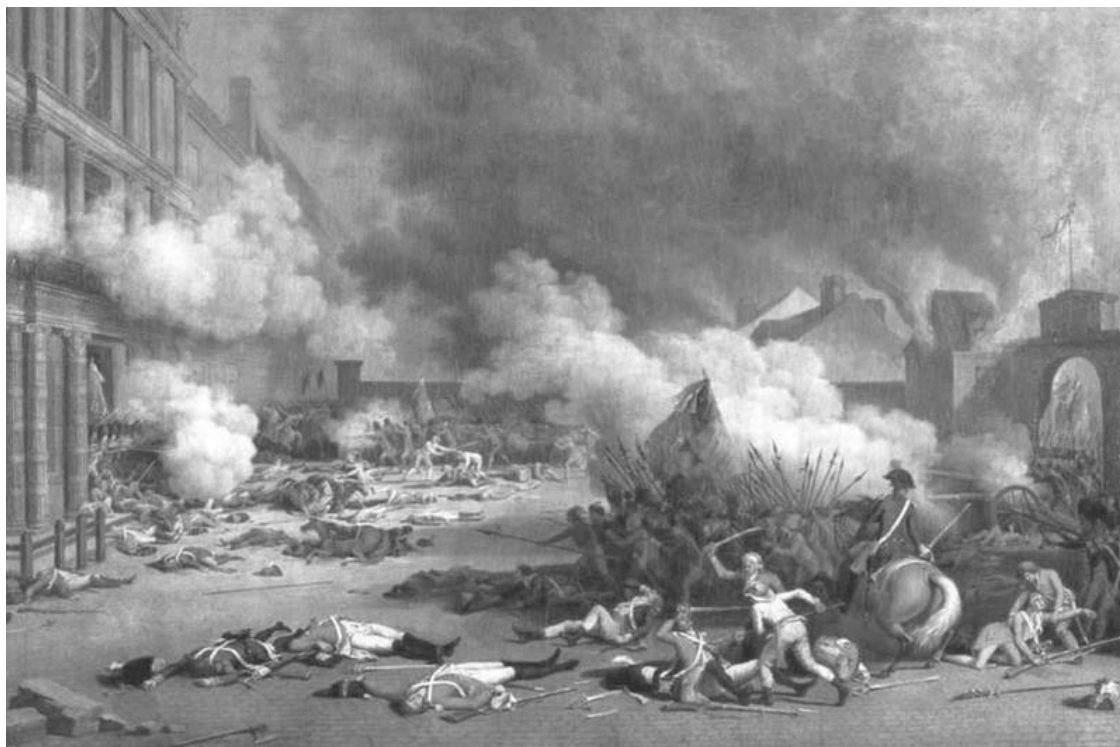
Историк Адольф Тьер по этому поводу пишет:

«Дворец Тюильри был зарезервирован за тремя консулами; Люксембургский дворец отдали под Сенат, Пале-Бурбон – под Законодательный корпус, а Пале-Рояль – под Трибунат. Чтобы сделать Тюильри пригодным для проживания, было выделено несколько сотен тысяч франков; а до окончания работ консулы жили в Малом Люксембургском дворце».

Вместе с Наполеоном в Тюильри собирался разместиться и третий консул Шарль-Франсуа Лебрэн. Что касается второго консула Жана-Жака Режи де Камбасереса, то он отказался занимать место в бывшем королевском дворце.

Адольф Тьер отмечает интересный факт:

«Этот удивительно осторожный человек, возможно единственный в то время, кто не дал увлечь себя никаким иллюзиям, сказал своему коллеге Лебрэну: “Селиться в Тюильри – это ошибка; это нам не подходит, и я туда не поеду. Генерал Бонапарт скоро захочет остаться там один, и нам надо будет думать, как оттуда выбраться. Уж лучше вообще туда не входить”. И он поселился в красивом доме на площади Каррузель, который он сохранял за собой все время, пока Наполеон сохранял свою империю».

**Фрагмент картины Ж. Дюплесси-Берто «Штурм дворца Тюильри
10 августа 1792 года»**

Дальновидный Камбасерес оказался прав: прошло совсем немного времени, и Наполеон стал единоличным пожизненным консулом, а потом был провозглашен императором французов. Какие-либо соседи во дворце ему были не нужны.

А пока же в качестве первого консула он без раздумий переехал во дворец Тюильри.

Чувства, переполнявшие при этом Наполеона, его хорошая знакомая Лора д'Абрантес описывает так:

«Я вспоминаю энтузиазм, царивший в Париже в тот день, когда он переезжал из Люксембургского дворца в Тюильри... Это обстоятельство имело для Бонапарта огромное значение... Тюильри!.. Эта королевская резиденция! Жилище Людовика XVI... этого несчастного короля, но такого доброго, такого прекрасного!.. Он даже плакал в день его смерти... Да, это событие для Наполеона было очень важно... Когда 30 плювиоза¹ он проснулся, его первыми словами были: "Сегодня мы будем спать в Тюильри!"... А потом, обнимая Жозефину, он радостно все повторял и повторял эти слова».

Говорят, что, войдя в свой новый кабинет, он хлопнул своего друга и секретаря Бурьенна по плечу и воскликнул:

– Попастъ в Тюильри – это еще не все. Надо удержаться здесь! Обойдя новые апартаменты, он увидел множество изображений республиканских фригийских колпаков. Это вызвало его недовольство, и он приказал:

– Замажьте все это. Я не желаю глядеть на эту мерзость! Торжественный переезд первого консула и его семьи в Тюильри состоялся 19 февраля 1800 года (30 плювиоза VIII года). С этих пор дворец бесспорно являлся основной резиденцией Наполеона. В этом дворце в 1810 году он женился на Марии-Луизе, там же годом позже у них родился сын.

¹ 19 февраля 1800 года.

Историк Фредерик Массон пишет:

«С флореаля XII года² по апрель 1814 года Тюильри служил официальной резиденцией императора приблизительно по три месяца в году. Это не значит, впрочем, что в эти месяцы он жил там безвыездно или ночевал каждую ночь. Наполеон не любил сидеть на одном месте».

В Тюильри, как и в других императорских резиденциях, часть дворца, которую занимал Наполеон, делилась на три рода помещений: на парадные, на внутренние покои императора и внутренние покои императрицы. Парадные помещения предназначались для пиршеств, торжественных церемоний и больших приемов. Ими редко пользовались. В так называемой Маршальской зале проводились концерты. Маршальская зала вела в Тронную залу, а та – в парадный кабинет императора. Оттуда шел ход в галерею Дианы, и здесь парадные помещения заканчивались.

За галереей Дианы находились покои императора. Они в свою очередь делились на почетные и внутренние (почетные состояли из залы Телохраниителей, где постоянно дежурили пажи и один из капралов гвардии, и двух салонов; внутренние – из рабочего кабинета императора, передней, ванной, спальни, уборной и гардеробной).

Над этими покоями находились в виде антресоли другие, состоявшие из передней, рабочего кабинета, двух салонов, спальни, будуара и гардеробной. Они нередко назывались секретными, так как вход в них был только через внутренние покои.

Фредерик Массон с удивлением отмечает:

«Охрана не усиливалась и по ночам. Надо заметить, что в то время дворец отделялся от публичного сада одной террасой, очень не широкой и поднятой не более как на три-четыре ступени. Злонамеренный человек легко мог, в случае оплошности часового, влезть на стену и забраться в покои... Однако, несмотря на легкий доступ в Тюильри, ни в одном из заговоров, составлявших против Наполеона, не предполагалось произвести на него покушение в этом дворце, так как все были уверены в силе его охраны. Из сказанного видно, насколько ошибочно было это убеждение».

Отметим, что ныне дворец Тюильри не существует, большая его часть сгорела в 1871 году во время боев парижских коммунаров с версальцами и теперь на месте дворца находится сад – один из лучших в Париже.

² С мая 1804 года.

Фрагмент картины И. Белланже «Парад наполеоновских войск у дворца Тюильри. 1810 год»

Историк Жорж Ленотр по этому поводу с сожалением замечает:

«Тюильри больше не существует, память о его внутреннем расположении исчезает с каждым днем, и, как бы ни казалось невероятным подобное утверждение, нигде нет подробных планов дворца».

Все самое ценное – в Лувр

Итак, Наполеон не только поселился в Тюильри, но и продолжил строительные работы в Лувре.

Крупнейшие архитекторы той эпохи Шарль Персье и Пьер-Франсуа-Леонар Фонтен, работавшие вместе и вошедшие в число основоположников стиля ампира, значительно расширили площадь Лувра за счет новых пристроек.

Впервые Наполеон принял архитекторов в 1799 году, и тогда он доверил им переделку Мальмезонского дворца для своей жены Жозефины. С той поры им доставались многие самые престижные заказы; Фонтен к тому же с 1801 года занимал должность правительственного архитектора. Среди их произведений наиболее известна Триумфальная арка на площади Каррузель. Они также заново оформили Елисейский дворец, загородные дворцы в Сен-Клу, Фонтенбло и Компьене. Все эти декоративные ансамбли должны были придать наполеоновскому правлению антично-римское величие.

Кроме того, Наполеон значительно пополнил коллекцию картин Лувра.

К 1793 году в Лувре насчитывалось 500 картин и 155 других художественных предметов, большая часть из них происходила из королевских коллекций. Располагались они в основном в Большой галерее. Затем, уже в период Директории, было провозглашено, что Франция имеет суверенное право на произведения искусства из других стран, чтобы украшать «царство свободы». Первая партия захваченных французской армией художественных памятников поступила из Нидерландов в 1794 году. В 1796 году, после оккупации Италии французскими войсками под руководством Наполеона, из этой страны было вывезено все самое ценное из знаменитых коллекций Ватикана, виллы Боргезе, а также богатейших собраний Флоренции, Венеции и других городов. В Лувре тогда находились Аполлон Бельведерский, Лаокоон и прочие шедевры. Кроме того, во Францию шли многочисленные обозы с произведениями искусства из различных государств на территории Германии, из Австрии и других стран Европы, в которые под звуки «Марсельезы» входила французская армия.

Фрагмент работы Л.-Ш. О. Кудэ «Наполеон в Лувре в сопровождении архитекторов Персье и Фонтена»

В экспедиции Наполеона в Египет и Сирию приняли участие десятки археологов и ученых. Так, во Францию была отправлена большая партия памятников Древнего Египта, ставшая основой для образования нового отдела Лувра.

Лувр при Наполеоне был объявлен центральным художественным музеем Европы, он стал символом мирового господства и мощи его империи. Директором Лувра был назначен барон Доминик Виван-Денон, участвовавший в военных походах Наполеона. Он очень энергично проводил политику расширения коллекций. При нем собрание Лувра было впервые систематизировано по географическому и хронологическому принципу. Для того чтобы восполнить пробелы собрания музея, в 1811 он отправился в Италию и приобрел произведения Джотто, а также картины итальянских художников XV века. Это был один из первых примеров систематического пополнения коллекции в истории музейного дела.

Бюст Наполеона из коллекции Лувра. Севрская мануфактура, по модели А.-Д. Шодэ

Вряд ли Наполеон сам хорошо разбирался в искусстве, но, когда в Лувр привезли знаменитую «Джоконду» Леонардо да Винчи, он был так восхищен ее таинственной улыбкой, что повесил картину у себя в опочивальне.

После падения империи Наполеона многие вывезенные им из других стран коллекции были возвращены, однако далеко не все. Так, например, почти половина захваченных в Италии картин так и осталась в Лувре.

«Адская машина». Покушение на улице Сен-Никез

Огромный интерес для увлеченных судьбою Наполеона представляет парижская улочка Сен-Никез (rue Saint-Nicaise), ибо здесь, на этой улочке, жизнь будущего императора могла оборваться, так толком и не начавшись.

В тот день, 24 декабря 1800 года, Наполеон (тогда он уже был первым консулом) вместе со своей женой Жозефиной собирался в Оперу, находившуюся тогда в том месте, где ныне расположена площадь Лувуа (place Louvois). Из дворца Тюильри, где жил первый консул, к Опере вела прямая улица Ришелье (rue de Richelieu), а чтобы попасть на улицу Ришелье, необходимо было проехать по ничем не приметной улочке Сен-Никез.

* * *

Наполеон всегда любил или делал вид, что любит оперу. Во всяком случае, он часто посещал представления, стараясь не пропускать ни одной премьеры. Вот и в этот вечер он договорился с Жозефиной, что они пойдут на спектакль, причем пойдут всей семьей, то есть вместе с ее детьми от первого брака Эженом и Гортензией.

В тот вечер должно было состояться первое исполнение оратории Гайдна «Сотворение мира». В представлении должны были принять участие более двухсот первоклассных оркестрантов и лучших певцов, что обещало невиданный успех. За билеты брали двойную цену, но их все равно буквально рвали из рук.

Прекрасно зная, что жена обожает слишком долго готовиться к выходам в свет, Наполеон попросил Жозефину не заставлять себя ждать – все-таки у первого консула свободного времени было не так много. Все нужно было сделать заранее. Короче говоря, она должна была быть готова к семи тридцати вечера.

Как обычно, Жозефина копалась слишком долго и к назначенному сроку готова не была. В результате две консульские кареты на достаточно большом расстоянии друг от друга понеслись к зданию Оперы, когда уже было почти восемь часов. Когда они вылетели на узкую улочку Сен-Никез, вдруг раздался страшный грохот. Затем послышались крики, стоны, ржание лошадей. В густом дыму ничего нельзя было разглядеть...

Когда его клубы несколько рассеялись, стало ясно, что случилось что-то экстраординарное. Только бешеная скорость, с которой мчалась первая карета, спасла Наполеона. Задержись она хотя бы на десять секунд, первый консул и все, бывшие с ним, взлетели бы на воздух. К счастью, кучер гнал лошадей что есть мочи, и вот эта-то поспешность и избавила от трагической гибели человека, преждевременная смерть которого изменила бы судьбы Франции и всей Европы.

Покушение на Наполеона на улице Сен-Никез. Литография XIX века

В следовавшей в нескольких десятках метров позади карете Жозефины от взрыва разлетелось стекла.

Камердинер Наполеона Констан Вери в своих «Мемуарах» пишет:

«Госпожа Бонапарт совсем не пострадала, но она испытала сильнейший испуг. Гортензия была легко ранена в лицо осколком оконного стекла, а госпожа Каролина Мюрат, бывшая на последних месяцах беременности, так напугана, что пришлось ее везти обратно в Тюильри».

– Это против Бонапарта! – закричала Жозефина.

Чтобы успокоить парализованных страхом женщин, Дюрок выскочил из кареты, а потом объявил, что произошел несчастный случай в одной из оружейных мастерских на улице Ришелье, но первый консул и сопровождавшие его не пострадали.

На самом деле это был вовсе не несчастный случай. Все пространство между двумя каретами было залито кровью и завалено телами убитых и раненых. О силе взрыва – а это явно был результат действия «адской машины» – красноречиво свидетельствовало и то, что, как потом выяснилось, было повреждено более сорока расположенных вблизи домов.

Все тот же камердинер Констан Вери вспоминает:

«Все оконные стекла в Тюильри были разбиты, и многие соседние дома разрушены. Сильно пострадали все дома на улице Сен-Никез и даже дома на улицах, примыкавших к ней».

Также выяснилось, что при взрыве погибло двадцать два человека (двенадцать охранников из консульской гвардии и десять случайных прохожих) и было ранено еще около шестидесяти. Карета Наполеона оказалась наполовину разбита. Сам он лишь чудом не был убит или жестоко искалечен.

Грохот от «адской машины» был настолько силен, что его слышали даже в стенах «Комеди Франсез», где произошел курьезный случай. Один из актеров театра Арман д'Айи, с успехом дебютировавший в 1800 году, высказал предположение, что это салют в честь очередной победы французского оружия над врагами республики. По его настоянию о «радостном событии» было объявлено собравшейся в зале публике. Когда выяснилось, в чем дело, незадачливый патриот был арестован, посажен в тюрьму и лишь с немалым трудом сумел доказать свою невиновность.

Жермена де Сталь пишет:

«Вечером я беседовала с друзьями; внезапно раздался страшный шум, однако мы решили, что это стреляют на учениях, и спокойно продолжили разговор. Несколько часов спустя мы узнали, что на первого консула было совершено покушение и он едва не погиб от взрыва на пути в Оперу».

– Нас хотели взорвать! – кричал в это время на заваленной обломками и окровавленными телами улице Сен-Никез первый консул.

Ланн и Бессьер настаивали на том, чтобы возвратиться во дворец Тюильри.

– Нет, – твердо сказал Наполеон, – мы едем в Оперу!

* * *

Наполеон вошел в свою ложу с виду совершенно спокойный, так что публика в театре только через некоторое время узнала о происшедшем. Когда же в зале прошел слух о взрыве, публика устроила Наполеону бурную овацию. Тот сдержанно поклонился. Лицо его было бледным, а губы чуть заметно дрожали.

Но он недолго демонстрировал спокойствие. Показав перед публикой в течение нескольких минут, что никакая опасность не способна сбить его с намеченного пути, Наполеон поспешил в Тюильри, где уже собрались все значительные лица той эпохи, чтобы узнать, что случилось и чем все это кончится.

Стефан Цвейг по этому поводу пишет:

«С равнодушным, непроницаемым видом внемлет он нежным мелодиям старика Гайдна и с притворным спокойствием благодарит за шумные приветствия, в то время как сидящая рядом с ним Жозефина дрожит от нервного потрясения и не может скрыть слез. Но то, что это хладнокровие было лишь искусно разыгранной комедией, почувствовали все министры и государственные советники, как только он вернулся из Оперы в Тюильри».

Едва войдя в комнату, где находились собравшиеся, Наполеон расслабился и отдался на волю всей горячности своего характера. Громким голосом он закричал:

– Полюбуйтесь, вот дела якобинцев! Эти мерзавцы хотели меня убить! В этом заговоре нет ни дворян, ни шуанов, ни духовенства! Я стреляный воробей, и меня не обмануть. Заговорщики – это просто бездельники, которые вечно бунтуют против всякого правительства. Если уж их нельзя усмирить, то надо их раздавить. Надо очистить Францию от этой негодной дряни. Им не должно быть никакой пощады!

Позже, немного успокоившись, он сказал жене:

– Тебе, дорогая, здорово повезло. Они метили в меня, но вполне могли попасть в тебя. Жозефина и Гортензия рыдали.

– Разве это жизнь? – воскликнула сквозь слезы мадам Бонапарт. – На сей раз твоим врагам не повезло, но в следующий раз счастье может им улыбнуться. Теперь только и будешь делать, что постоянно бояться убийц.

– Надо будет устроить головомойку министру полиции Фуше, – подумав, сказал Наполеон.

На твоём месте я не имела бы дел с этим человеком. Я его боюсь.

– Что ты хочешь? Могу ли я сейчас обойтись без него? Он такой ловкач: я из этого всегда смогу извлечь выгоду... И потом, будь спокойна, моя дорогая, это дело позволит мне пойти дальше. Они еще не знают...

И действительно, через четыре года Наполеон уже был императором французов.

* * *

Начавшееся немедленно следствие на первых порах ничего не выяснило, и никто не был арестован на месте взрыва. Наполеон, как мы уже знаем, был убежден, что и на этот раз покушение было организовано якобинцами.

Историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо пишут:

«Он приписал это преступление якобинцам, то есть тем республиканцам, которые остались верны республике. Прошло то время, когда он распинался перед ними, добиваясь их расположения, чтобы обеспечить успех плебисцита. Он ненавидел и боялся их больше какой-либо другой партии. Крики “вне закона”, которыми они его преследовали в день 19 брюмера, все еще звучали в его ушах. Он поспешил воспользоваться удобным случаем, чтобы избавиться от некоторых из них и запугать остальных».

Министру полиции Фуше он так и объявил: он уверен, что «адская машина» была подложена якобинцами. Намеки Фуше, что, возможно, заговор был другого происхождения, встретили лишь насмешку: конечно, бывший член Конвента, бывший «левый» якобинец теперь стремится выгородить своих прежних единомышленников.

– Это дело рук якобинцев! Только они одни желают моей смерти! Это же бандиты, среди них нет ни одного благородного человека.

Фуше молчал, и это все больше раздражало Наполеона.

– Вы, Фуше, наверное, чем-то слишком сильно заняты, раз не обращаете достаточно внимания на якобинцев.

Фуше спокойно возразил, что еще не выяснено, подготовлено ли это покушение якобинцами; он лично убежден, что в этом деле играют главную роль роялистские заговорщики и английские деньги. Но спокойный тон возражений Фуше еще сильнее озлобил первого консула:

– А я говорю, что это якобинцы. Это террористы, это вечно мятежные негодяи, сплоченной массой действующие против любого правительства. Эти злодеи готовы принести в жертву тысячи жизней, лишь бы убить меня. Но я расправлюсь с ними так, что это послужит уроком для всех им подобных.

Фуше молчал.

– Фуше, я лучше знаю, кто подложил под меня эту бомбу, – продолжал кипятиться Наполеон. – Вы можете ловить кого хотите, но я-то уверен, что фитиль подпалили ваши друзья-якобинцы!

Фуше не отступался от своих выводов:

– Это дело явно оплачено Лондоном, а англичане не стали бы платить деньги якобинцам. И вообще, какое отношение к взрыву имеют якобинцы? Разве это доказано?

– Фуше, я не нуждаюсь в ваших доводах. Мне нужна массовая депортация, чтобы очистить Францию от этих негодяев...

Фуше не мог прийти в себя от изумления.

– И вообще, вы надоели мне, Фуше, – продолжал кричать Наполеон. – Мне нужна полиция, а не юстиция!

Фуше осмелился еще раз высказать свои сомнения. Тут вспыльчивый корсиканец готов уже был наброситься на министра, но Жозефине пришлось вмешаться и взять супруга за руку. Наполеон, пытаясь вырваться, принялся перечислять все убийства и преступления якобинцев. Но чем больше горячился Первый консул, тем упорнее молчал Фуше. Ни один мускул не дрог-

нул на его непроницаемом лице, пока сыпались обвинения, пока братья Наполеона и придворные насмешливо перемигивались, глядя на министра полиции. С ледяным спокойствием он отверг все подозрения и невозмутимо покинул Тюильри.

* * *

Итак, Наполеон решил покончить с оппозицией слева, и взрыв на улице Сен-Никез оказался ему весьма к стати. Фуше было велено составить проскрипционный список. Министр полиции, по его собственным словам, не одобрял принятия репрессивных мер против якобинцев, но список, разумеется, составил. В него попало более ста человек, и все они были арестованы. Многие потом подверглись ссылке в Гвиану, откуда редко кто возвращался. Кое-кто пошел на гильотину.

Противница Наполеона Жермена де Сталь вспоминает:

«Список этих якобинцев составлялся самым незаконным образом; государственные советники вписывали в него одни имена и вычеркивали другие, а сенаторы эти решения утверждали. Тех, кто не одобрял способ, каким был составлен этот список, убеждали, что в него вошли исключительно злодеи, повинные в страшных преступлениях».

Ей вторит секретарь Наполеона Бурьенн:

«Я с ужасом наблюдал, как первый консул устремляется по дороге произвола. Но кто мог перечить его воле?»

Послушный Сенат провозгласил эти меры «конституционными». Что касается Фуше, так тот написал в одном из своих рапортов:

«Все эти люди, конечно, не держали кинжала в руках, но все они общеизвестны как способные заточить его и держать в руках».

При всем при этом Фуше, избавляясь от компрометировавших его бывших друзей, с самого начала был уверен, что якобинцы в данном случае абсолютно ни при чем. Усердствовал он и для того, чтобы угодить раздраженному Наполеону.

Не вмешиваясь, он спокойно наблюдал, как изгоняют одних и казнят других. Он молчал, как священник, связанный тайной исповеди. На самом деле Фуше уже давно напал на след, и пока другие насмехались над ним, а сам Наполеон ежедневно иронически упрекал его за «глупое упорство», он собирал в своем доступном лишь для немногих кабинете неоспоримые доказательства того, что покушение в действительности было подготовлено роялистским подпольем. Встречая с холодным, вялым и равнодушным видом многочисленные нападки в Государственном совете и в приемных Тюильри, Фуше лихорадочно работал с самыми лучшими агентами в своей секретной комнате. Были обещаны громадные деньги в качестве награды, все шпионы и сыщики Франции были подняты на ноги.

* * *

На самом деле события 24 декабря 1800 года конечно же были частью роялистского заговора. Роялисты ненавидели Наполеона, узурпировавшего власть в стране, и искали способ отомстить ему. Для осуществления задуманного покушения в Париж тайно прибыли два помощника преданного Бурбонам вождя шуанов Жоржа Кадудалья. Это были Пьер Робино де Сен-Режан и Жозеф-Пьер Пико де Лимоэлан, и они тут же принялись за изготовление «адской машины».

Зная, что Наполеон часто бывает в Опере, Сен-Режан провел разведку площади Каррузель, потом осмотрел консульские конюшни возле дворца Тюильри. Лучшим местом для покушения ему показался угол улицы Сен-Никез и улицы Сент-Оноре (rue Saint-Honoré), здесь карета Наполеона просто не могла не проехать.

24 декабря заговорщики поставили на улице Сен-Никез повозку, где находился заряженный смертоносный механизм. Один из них дежурил на площади Каррузель, он должен был увидеть выезжающего Наполеона и подать сигнал своим сообщникам.

– Что-то они опаздывают, – озабоченно сказал Сен-Режан.

– Кажется, едут!

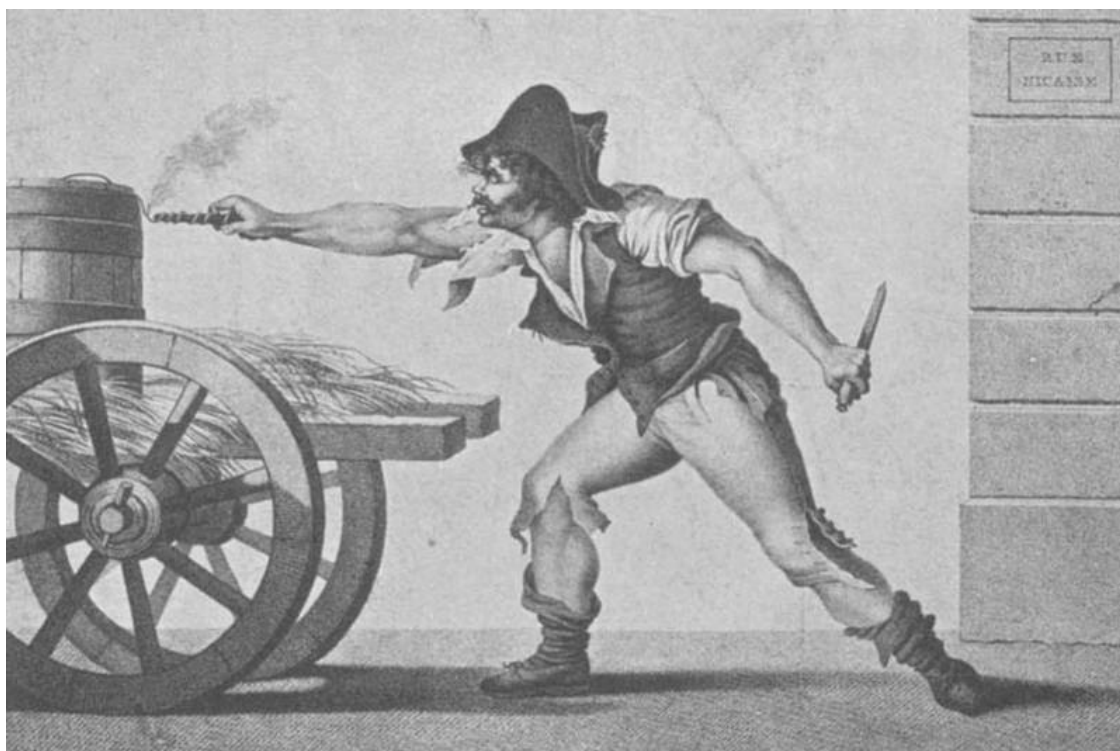
План оказался верным: на тихой улице Сен-Никез никто не обращал внимания на повозку с бочкой. А слабо тлеющий фитиль уже подкрадывался к начинке «адской машины»...

– Бежим! – крикнул Сен-Режан.

Вроде бы все было рассчитано, и сигнал был подан вовремя, но детонатор сработал чуть позже, чем следовало по плану, и карета Наполеона успела промчаться мимо. После этого заговорщики скрылись на одной из конспиративных квартир.

* * *

Полиция начала расследование. На месте взрыва были обнаружены останки лошади, которая была запряжена в повозку с «адской машиной». Как выяснилось, эту лошадь держала под уздцы четырнадцатилетняя девочка. Ее звали Пёсоль, и она была дочерью уличной торговли. Позже выяснилось, что за то, что она подержит лошадь, ей обещали двенадцать су. Девочку мощным взрывом разорвало на множество маленьких частей. Собственно, как и повозку с лошастью.

Подготовка взрыва на улице Сен-Никез. Литография XIX века

Префект полиции Луи Дюбуа и специально приглашенный им ветеринар тщательно собрали окровавленные останки лошади. Потом они стали опрашивать торговцев лошадьми, и 27 декабря некий Ламбель признал животное, которое он лично продал вместе с повозкой за

двести франков. Он хорошо помнил покупателя и дал его подробное описание. Главной отличительной чертой покупателя был шрам над левым глазом.

Полиция быстро установила, что лошадь была куплена неким Франсуа Карбоном. После этого не составило труда узнать, что этот Карбон проживал на улице Сен-Мартен (rue Saint-Martin) в доме своей сестры. Раньше он был моряком, потом сотрудничал с шуанами. Дома Карбона не оказалось, и тут же все полицейские Парижа получили приказ о его задержании.

18 января 1801 года Карбон был схвачен в своем новом убежище на улице Нотр-Дам-де-Шан (rue Notre-Dame-des-Champs), куда он перебрался сразу после взрыва. Арестованный сначала все отрицал, но потом у него была найдена записка весьма подозрительного содержания:

«Сидите спокойно и без надобности не выходите на улицу. Верьте только мне одному. Остерегайтесь других людей, даже если они будут представляться моими друзьями, они могут обманывать. Я о вас не забуду. Скоро увидимся».

Допрошенный «с пристрастием», Карбон признался, что это записка от Лимоэлана, по приказу которого он и купил лошадь с повозкой. А еще он назвал полиции имя главного сообщника Лимоэлана Пьера Робино де Сен-Режана. Карбон сказал, что его задачей было кормить лошадь и ждать дальнейших указаний. 24-го числа в четыре часа пополудни к нему пришел Лимоэлан и приказал запрягать лошадь. Он был одет с синюю робу извозчика, а потом сел в повозку и уехал. Больше Карбон ничего не знал, но и этого было достаточно, чтобы полиция объявила охоту на Сен-Режана и Лимоэлана.

Последнему из них удалось сбежать, прежде чем ловушка захлопнулась. Был арестован его отец, но тот либо продемонстрировал отменное мужество, либо действительно ничего не знал о делах своего сына.

Сен-Режана же, раненного во время взрыва, сначала захватить не удалось: он покинул конспиративную квартиру незадолго до прихода полиции, но не успел сжечь компрометирующие роялистов бумаги. На этой квартире полицейские Фуше нашли письмо Жоржа Кадудаля и отчет Сен-Режана о подготовке покушения.

Получив дополнительные данные, полиция стала арестовывать одного за другим помощников заговорщиков: женщин, у которых они жили в Париже, врача, который лечил раненого Сен-Режана, и некоторых других. Но это были второстепенные персонажи, более же серьезным роялистам удалось скрыться.

Но работа полиции не прошла даром, вскоре она вышла на след Сен-Режана, который был захвачен полицейским на улице дю Фур (rue du Four).

* * *

Решение суда было predeterminedено заранее. Сен-Режан и Карбон были приговорены к смертной казни как участники заговора против первого консула. Сен-Режан был назван прямым участником покушения, а Карбон – человеком, оказывавшим ему в этом содействие.

Когда председатель суда спросил приговоренных, понятно ли им такое решение, Карбон закричал:

– Я не признаю себя виновным! Мне всего-навсего поручили купить лошадь и повозку, разве это преступление?

Сен-Режан лишь попросил, чтобы с казнью не затягивали, так как он не собирается подавать никаких протестов и жалоб.

Они были казнены 20 апреля 1801 года на глазах специально для этого собранной толпы парижан. Перед смертью Сен-Режан закричал:

– Люди добрые, мы умираем за короля!

* * *

На поимку Лимоэлана были брошены лучшие полицейские силы Франции. Оказалось, что его невеста, мадемуазель Альбер, жила в Версале. У нее-то он и прятался первое время после взрыва. Был найден священник, которому Лимоэлан исповедовался за месяц до покушения. Кольцо постепенно сжималось, но когда дом, где должен был находиться Лимоэлан, был окружен, оказалось, что там его уже нет.

Он в это время уже был в Бретани. Там он скрывался до конца марта 1802 года, а после этого уехал в Соединенные Штаты. Смерть маленькой Пёсоль настолько сломила его психику, что он совсем перестал спать по ночам. В Америке он стал священником под именем аббата де Клоривьера. Через год он написал своей невесте, приглашая ее приехать в Америку, но та не могла сделать этого, так как поклялась посвятить себя богу, если ее жениху удастся ускользнуть от полицейских ищеек. Новоявленный аббат де Клоривьер был в отчаянии: зачем ему было с такими сложностями спасаться, если теперь он и его любимая не могут быть вместе?

Но надо было продолжать жить, и вплоть до самого падения Наполеона он служил кюре в Чарльстоуне, а в 1820 году стал управляющим монастыря в Джорджтауне и организовал за свой счет пансионат для маленьких девочек из бедных семей. Умер Жозеф-Пьер Пико де Лимоэлан лишь в 1826 году, через пять лет после смерти ненавистного ему Наполеона.

* * *

Роялисты, непосредственно участвовавшие в покушении, были казнены, многие были сосланы подобно якобинцам. Но все-таки гнев Наполеона против роялистов не был в тот момент так жесток, как можно было бы ожидать, судя по расправе с совсем не имеющими отношения к делу о взрыве на улице Сен-Никез якобинцами. И тут причина заключается вовсе не в том, что он уже потратил на якобинцев весь свой гнев, а на роялистов его уже не хватило. Наполеон умел быть жестоким, когда находил это нужным, оставаясь вполне хладнокровным и спокойным. Дело тут было вовсе не в этом, а в том, что он задался целью увести из-под знамен Бурбонов тех умеренных роялистов, интересы которых могли быть вполне примиримы с новым порядком во Франции. Другими словами, он хотел показать, что те роялисты, которые признают законность его власти и безропотно подчинятся ей, будут приняты им с готовностью, и прежние грехи могут быть им прощены, а вот с непримиримыми, непременно желающими восстановить власть Бурбонов, он будет вести беспощадную борьбу. По имеющимся оценкам, эмигрантов-роялистов в то время насчитывалось около ста пятидесяти тысяч человек, и из них более половины уже вернулись в страну и поступили под надзор полиции. Только трем тысячам эмигрантов въезд во Францию попрежнему был воспрещен. Вот эти-то люди и были главными противниками Наполеона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.